

**КАМИЛЛ
АХМЕТОВ**

**ПРЕЗУМПЦИЯ
СМЕРТИ**

ПОВЕСТЬ

Издательские решения

Камилл Ахметов

Презумпция смерти

«Издательские решения»

2014

Ахметов К. С.

Презумпция смерти / К. С. Ахметов — «Издательские решения»,
2014

Выпускник МГИМО Тимур Журавлев, наследник нефтяного состояния, пропадает без вести в начале 1994 г. в калифорнийском городке Реседа, разрушенном знаменитым Нортиджским землетрясением... В начале 2000 г. неизвестный человек приходит в себя в госпитале Беверли Хиллз... Постепенно к герою возвращается память но он должен вернуть себе свое прошлое, свою личность, свою любовь.

© Ахметов К. С., 2014

© Издательские решения, 2014

Содержание

Часть I. Каникулы в Лас-Вегасе	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	18
Часть II. Тимур и его команда	21
Глава 5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Камилл Ахметов

Презумпция смерти

...всякая презумпция, даже очень достоверная, может быть опровергнута».

Гражданское право, в 2 т. Отв. ред. проф. Е. А. Суханов.

Самым знаменитым землетрясением 20 века для США до сих пор остается землетрясение 1906 года в Сан-Франциско, штат Калифорния, хотя только в наше время в этом штате произошли целых четыре землетрясения — в 1971, 1983, 1989 и 1994 годах.

Калифорния действительно является самым сейсмически опасным регионом США. Печально известное Нортриджское землетрясение в Лос-Анджелесе, штат Калифорния, случилось 17 января 1994 года (день рождения Мартина Лютера Kinga). Первый подземный толчок был зарегистрирован в 4 часа 31 минуту утра по тихоокеанскому времени. Сила землетрясения составила далеко не самые впечатляющие 6,7 балла по шкале Рихтера, но разрушительный эффект, произведенный землетрясением в населенной местности, был поистине губительным. Нортриджское землетрясение стало самым дорогим за всю историю США.

Сейсмический удар пришелся по долине Сан-Фернандо всего в 20 милях к северо-востоку от центра Лос-Анджелеса. Эпицентром бедствия сначала считали Сан-Фернандо, затем — Нортридж, в честь которого землетрясение и получило свое имя, но неделей позже расчеты дали следующие географические координаты эпицентра: 32 градуса 12 минут 47 секунд северной широты, 118 градусов 32 минуты 13 секунд западной долготы. Эта точка находится в городке Реседа.

Разрушениям подверглась территория, отстоявшая от эпицентра на расстоянии до 85 миль. Больше всего пострадали долина Сан-Фернандо, город Санта-Моника и долина Сими. Частичным разрушениям подвергся знаменитый стадион города Анахайм, находившийся в 50 милях к югу от эпицентра. Автодороги были уничтожены в радиусе 20 миль от эпицентра, и у министерства транспорта Калифорнии ушли два года на их восстановление.

Был полностью разрушен ряд офисных зданий, жилых домов, отелей, больниц. Расследование установило, что как минимум один из разрушенных многоквартирных домов был построен с нарушением спецификаций для строительства в сейсмических зонах, таких, как Калифорния. Впрочем, выяснилось, что и сами спецификации нуждались в переработке, так как они не обеспечивали должной защиты зданий от сейсмических факторов. Но часть разрушений была вызвана не самими толчками, а последовавшими за ними изменениями рельефа местности и пожарами.

Нортриджское землетрясение «стоило», по разным оценкам, от 20 до 30 миллиардов долларов. 20 тысяч человек остались без крова. Около 9 тысяч человек получили ранения различной степени тяжести. 57 человек погибли.

С новым тысячелетием пришли новые проблемы — 18 января 2001 года калифорнийским властям пришлось объявить чрезвычайное положение из-за крупномасштабного энергетического кризиса, оставившего миллионы людей и предприятий без электроснабжения.

Причиной кризиса назвали необдуманные действия администрации штата, которая отпустила цены на электроэнергию...

Wikipedia (из раздела «Бедствия и катастрофы»)

Ему часто снился этот сон – все, как в фильме режиссера Нугманова. Ночь, заснеженная аллея, свет фонаря, просьба прикурить, нож. Нож не был неожиданностью – тот фильм он смотрел несколько раз, а сон видел десятки раз, и всегда было одно и то же – ночь, снег, фонарь, вопрос и удар. Услужливое воображение после этого медленно «гасило свет», и не было неожиданности, а был спокойный интерес – будет ли снова свет? Иногда сон продолжался, и он снова видел ту же аллею. Иногда он просто просыпался.

В этот раз было немного иначе. Не было снега. Убийца подошел откуда-то сбоку, сделал свое дело... И после этого ночь и пальмы – да-да, пальмы! – вдруг сменились ярким светом, и он ощутил полный кайф, неземное спокойствие и блаженство. Это длилось несколько мгновений, а может – целую вечность.

А потом он снова увидел ночь и пальмы. И себя в луже крови. Тогда он понял, что это точно сон – только во сне можно увидеть себя со стороны, и увидеть не глазами. Ведь все происходит непосредственно в мозгу, так? Чтобы проснуться, нужно открыть глаза.

Открыть глаза...

Вот черт. Открыть глаза!

Часть I. Каникулы в Лас-Вегасе

Глава 1

«Если не в силах сохранять дружелюбный тон во время телефонного разговора, улыбайся, – так учил Нику ее первый начальник. – Даже если ты всей душой ненавидишь человека на другом конце провода, в твоём голосе появится неподдельная теплота. И вообще, людям надо улыбаться».

Это научило Нику общаться по телефону с клиентами, журналистами, коллегами, новым начальником, очередным начальником, родителями, любовниками, надоевшими подругами. Это также научило ее общаться с людьми лицом к лицу. «Людям надо улыбаться».

И это отучило ее доверять дружелюбным голосам телефонных собеседников, да и вообще любым человеческим улыбкам. «One may smile, and smile, and be a villain», – повторяла она. Улыбаться, и быть мерзавцем.

– Пока, милая, – сказала она сестре, улыбаясь. – Звони мне чаще, хорошо?

Дождавшись коротких гудков, она в бешенствехватила трубкой о корпус старенького телефонного аппарата. Как можно быть такой дурой... нет, не дурой, а закостенелой, черствой стервой?

Лейбористы ее, видите ли, волнуют, и лучшая в мире британская система образования. И невероятные приключения ее британского мужа. О своем первом муже, уже скоро десять лет как лежащем в дорогой богородской земле, она вряд ли волнуется. Вот почему Ника не торопилась в гости к сестре, хотя в Лондоне бывала чуть ли не каждые полгода.

Ведь как бывает. Едет небедный человек, один из первопроходцев туристического бизнеса в стране, на заднем сиденье одного из первых в Москве внедорожников Nissan Patrol. Везет сына-вундеркинда домой из одного из первых в Москве частных детских садов. На Садовой по тем временам «большое движение», то есть тишь да гладь, что вдоль, что поперек. И проехать-то нужно было всего несколько домов. Квартира – на Плющихе. Садик – в Кривоарбатском переулке, по соседству с военной прокуратурой и той стеной, что год назад разукрасили черными письменами поклонники Цоя. Утром жена, одна из первых московских красавиц, сама отвела туда ребенка, да и отправилась по делам – сначала в один из первых московских соляриев, потом – послушать бродячих арбатских трубадуров, ну а после уж – в Смоленский гастроном. Домой сына привезет муж на джипе с водителем. Как и всегда по понедельникам.

А тут – танки.

У московской милиции в те дни одна забота была, министр внутренних дел Пуго ей самолично наказал – чтобы люди больше одного не собирались, и чтобы комендантский час не нарушали. Люди и вправду особо не собирались – нигде, кроме Красной Пресни. Но уж там собрались, так собрались, и московская милиция ничего поделать тут не могла. И не делала. Нигде в городе. Спросите у москвичей, кто помнит, что делала милиция 19 августа 1991 года? Как танки асфальт ломали – все помнят. Как машины переворачивали, как костры на улицах жгли – помнят. А где родная милиция была – никто не помнит. Страшные были дни.

Молодой бандитской поросли – раздолье. Хочешь – сберкассы штурмуй, хочешь – витрины ювелирных магазинов бей, никому дела нет, вневедомственная охрана и та хвост поджала. А хочешь – кооператоров глупых по такому случаю начинай жизни учить.

Секции рукопашного боя тогда в моде были. Надо тебе – иди и молоти резиновые груши и приятелей руками и ногами за пятнадцать рублей в месяц. И тиры большим успехом пользо-

вались. Оружия бесхозного на улицах уже хватало – у кого ТОЗ, у кого ПМ, у кого дедушкин ТТ. АКМы с грузовиков пока не раздавали, но до этого только два года оставалось.

Правда, мальчишки из секций стрельбы и боевого самбо уже тогда низшим сортом бойцов считались. Настоящие кадры подбирались из интернационалистов, у которых и самбо, и меткость – настоящие, опробованные в боях. А лучше всех – те, кого на втором году службы выдернули «из-за речки» в связи с выводом ограниченного контингента, не дали довоевать.

Профессиональные водители – так просто на вес золота были. Кто из школы или из армии с шоферской корочкой вышел – не зря, значит, истратил юные годы. Если умеешь бить ногой в челюсть, да из ствола по грудной и головной мишеням не промахиваешься – просто молоток. Но если еще и баранку можешь крутить – нет тебе, парень, цены.

Молодые кооператоры по тем временам чуть-чуть другие жизненные ценности исповедовали, идеалистические. Мол, говоришь по-английски и знаешь компьютер – есть тебе путевка в жизнь. А еще считалось очень хорошо, если водишь машину. В этом вопросе уже тогда и у бизнесменов, и у бандитов было полное, так сказать, единство.

Не пройдет и года, как полное понимание будет и по всем остальным пунктам. Но тогда делались только первые шаги навстречу. Очень уж много было барьеров, отделявших преступный мир от делового – закон, порядок, государство. Но в тот понедельник барьеры временно убрали.

Деловой и преступный мир встретились на Калининском проспекте, на отдельно взятом мосту через Садовую. С одной стороны – плохое место для убийства, ведь отовсюду видно. А с другой стороны – идеальное место, если не убийство это, а показательная казнь, а милиции нет и неизвестно. Здоровенный внедорожник, когда по тому мосту разворачивается, совсем медленно идет. Вот тут-то и нужно водителю притаившейся на углу рыжей «копейки» с работающим мотором дать газу, чтобы путь внедорожнику перегородить, а его пассажирам из «копейки» выскочить и тот внедорожник ста восьмьюдесятью пулями из АКМов изрешетить. Как в хорошем американском фильме «Крестный отец», только гораздо быстрее, ведь скорострельность АКМа в автоматическом режиме – десять выстрелов в секунду. Семь секунд – и два рожка вылетели (еще секунда на перезарядку, вот почему семь секунд, а не шесть), а тогда обратно в «копейку» и деру – хочешь по Садовой, хочешь – в Проточный переулочек и на набережную. Это уже водителя забота.

Милиция-защитница, которой пришлось-таки в тот день на место преступления выехать, эту версию событий, надо сказать, не поддержала.

Во-первых, в трупе и в джипе потерпевшего было найдено в общей сложности всего сорок восемь пуль. Сорок восемь, а не сто восемьдесят! Правда, никто не считал пули, уславившие по Калининскому проспекту к магазину «Мелодия», кинотеатру «Октябрь» и аптеке. Может, их и сто тридцать две было, а может, и двенадцать всего. И во-вторых, – сами попробуйте вынуть из АКМа пустой магазин и вставить снаряженный всего за одну секунду, ничего у вас не выйдет! Следственный эксперимент показал, что на то, чтобы вынуть пустой магазин и засунуть его в сумку с боеприпасами, или за пояс, или в карман, уйдет полторы-две секунды. Вынуть из сумки с боеприпасами или из-за пояса запасной магазин, и вставить его в автомат – еще полторы-две секунды. А еще надо дослать патрон в патронник. В общем, никак версия о ста восьмидесяти пулях и семи секундах не проходит.

Не говоря уже о том, что, как оказалось, баллистическая экспертиза установила – автоматический огонь велся ни из каких не из АКМов, а из пистолетов системы Стечкина. Которые, как известно, стреляют очередями и имеют двадцатизарядные магазины. Двадцать на три – итого как раз шестьдесят пуль! Кстати, гильз на месте расстрела не нашли никаких. Ни от Стечкина, ни от Калашникова. Может, убийцы к своему оружию приспособили холщовые мешки, или пакеты какие-нибудь целлофановые. А может, все подобрали местные жители. Может, надо было оперуполномоченным по квартирам Проточного переулка пройти да поспрашивать.

Да, и в-третьих – с маркой машины полная неразбериха. Всего лишь один свидетель говорит, что это была «копейка». Двое других утверждают, что это был четыреста двенадцатый «Москвич», а еще один клянется, что видел старый ржавый Fiat.

И самое главное – все свидетели уверены, что только двоих пассажиров они видели в той машине. Двоих! А значит, в числе стрелков был и водитель.

Кстати о водителях – куда делся водитель джипа Nissan? Ребенок понятно куда делся – его вытолкнул из машины отец еще до того, как раздались выстрелы. Мальчик только поэтому и выжил. А как и почему бесследно исчез водитель – неизвестно.

Правда, по словам пятилетнего Саши, который, якобы, видел это все, «как в замедленном кино», и мог впоследствии о каждой секунде трагедии во всех подробностях рассказывать часами, никогда не отклоняясь от собственного описания ни на йоту, было так. Когда перед внедорожником вылезли рыжие «Жигули» (точно такие же, как нарисованы на картинке в третьем издании «Детской энциклопедии», так что ошибки быть не может), новый папин водитель, лицом похожий на разведчика из кино (а не шофер Кока, который тогда заболел, и поэтому уже три дня не работал), повел себя очень странно. Сказав «Сейчас разберусь, сидите», водитель зафиксировал ручной тормоз, вынул ключ из гнезда зажигания, вышел из джипа, подошел к тем двоим, с чулками на головах, которые вылезли из «Жигулей», взял у них автомат Калашникова (такой же, как в энциклопедии!), повернулся и вместе с ними стал стрелять в папу. Потом вместе с ними же сел в «Жигули», и уехал.

Ни в одном милицейском протоколе слова мальчика Саши не были зафиксированы, так как не учитывались в качестве показаний. В следственном заключении было отмечено, в частности, что преступники, ведя огонь из своих пистолетов, не произвели ни одного выстрела по таким уязвимым точкам автомобиля потерпевшего, как колесные скаты, мотор или бензобак. Палили, понимаешь, как заведенные, только по салону – вот и угодили в него аж сорока восемью пулями из шестидесяти возможных. К тому же преступники, оказывается, совершенно пренебрегли возможностью уничтожить цель перекрестным огнем. Они не рассредоточились, как положено, по позициям по разные стороны джипа, а стояли все вместе, как пугала огородные, около своего автомобиля. Что убедительно доказывает, что работали никакие не бывшие военные, и вообще не профессионалы, а типичные злостные хулиганы без опыта и понимания правил ведения боя.

Вот тут бы и спросить милицию-заступницу – да зачем же хулиганам стрелять по колесам джипа, который и так стоит на «ручнике» с заглушенным мотором?

И зачем стрелять им по бензобаку, который, как известно, взрывается от пуль только в художественных фильмах?

И зачем стрелять им по мотору, который для пистолетов вообще неуязвим? (Другое дело – для автоматов Калашникова, но ведь эксперты доказали, что автоматы сыну убитого коммерсанта только привиделись!)

И зачем им стрелять с разных сторон джипа – чтобы друг друга, что ли, уложить?

И какими были найденные пули – пистолетными, калибра 9 мм, или автоматными, калибра 7,62?

А следственный эксперимент с перезарядкой автомата – почему его не провели так, как эта самая перезарядка происходит в бою? Когда пустой магазин, извлеченный из казенной части, *в доли секунды* заменяется на второй, полностью снаряженный, прикрученный к первому клейкой лентой?

И почему никто не понял, что правильные ответы на эти вопросы как раз и доказали бы, что трое убийц кооператора (и несостоявшихся убийц маленького мальчика Саши) были не местными хулиганами, вооруженными давно снятыми с производства железками, а матерыми профессионалами, съевшими на тактике боя не одну собаку?

Но никто обо всем этом следователей милицейских так и не спросил. Вот и получилось, что истории, рассказанной не по годам наблюдательным детсадовцем, поверила только его мама. Правду о гибели главы семейства никто не узнал. Теперь тот детсадовец заканчивает одну из британских частных школ, а его мама, счастливо забывшая во втором браке невзгоды первого, делится с младшей сестрой новостями по международной телефонной линии.

Вот, к примеру, ее муж, вернувшись с патрулирования, рассказал о том, как, зайдя на штрафную стоянку Гайд-парка, стал свидетелем сцены с участием русского. Опытный лондонец, видите ли, никогда не оставит свою машину в неполюженном месте – как всем хорошо известно, ее моментально эвакуируют. Поэтому обычные гости на штрафных стоянках Лондона – водители-чайники и туристы из «третьих» стран.

– И вот он говорит мне: «Представляешь, Айрин»...

Сестру звали Ириной – до тех пор, пока не сбылась мечта ее детства, и она, с младших классов английской школы бредившая Тауэром и Букингемским дворцом, не вышла, наконец, замуж за англичанина.

«Англичанин» был на самом деле шотландцем и служил в местных органах правопорядка, что характеризовало его как солидного человека и полезного члена общества (а отнюдь не как малограмотного, потенциально опасного типа, падкого на взятки и прочую халяву, если вы вдруг что не так подумали). Познакомились они в фойе театра Ее Величества, что в лондонском Вест-Энде, в антракте между двумя актами «Призрака Оперы». Ирина проходила недельный курс повышения квалификации в Лондонской школе бизнеса. Повышенная квалификация тоже пригодилась – когда Ирина получила вид на жительство, ей удалось устроиться на незначительную должность в лондонский филиал «Дойче Банк».

Потрясающая история, которой офицер-шотландец порадовал свою женушку Айрин, заключалась в том, что его приятели на штрафной стоянке как раз в этот момент оформляли очередного нарушителя. Но на этот раз нарушителем оказалась не какая-нибудь очередная заплаканная рыжая девушка, а весьма самоуверенный и хорошо одетый молодой с каменным лицом, явно не британец.

– «Представь себе, Айрин! – говорит он мне. – Он даже не взглянул на сумму штрафа, которую предстоит уплатить, а просто бросил офицеру карточку „Американ Экспресс“. Золотую, между прочим. Ему сказали – полицейское управление не принимает „Американ Экспресс“, а он, глазом не моргнув, вытащил золотую „Мастер“. И ни тени раскаяния, стоит с каменным лицом! И ведь двести фунтов! Да, почему я обратил внимание – у него оказался точно такой же паспорт, как был у тебя».

Все было понятно – очередной соотечественник попался на незнании законов «свободного мира». А что ему было делать – плакать, как какая-нибудь рыжая девушка, и умолять не взымать штраф? Ника промолчала.

– В общем, это просто удивительно, как русские умудряются вести себя в Европе, – подытожила сестра. – Ведь он наверняка заблокировал своим автомобилем пожарную колонку, или подъезд для кареты скорой помощи, или парковочное место, предназначенное для горожан! Раз его машину эвакуировали в Гайд-парк, значит, она стояла где-то в Вестминстере, а это очень густонаселенный район.

Тема общественного порядка была исчерпана, и Ирина перешла к политическим новостям:

– У нас здесь все так сложно... Этого ужасного Тони Блэра, похоже, переизберут на второй срок.

– А чем тебя не устраивает Тони Блэр? – поинтересовалась Ника.

– Он – лейборист, то есть социалист-демократ, популист. – Ника представила себе, как сестра загибает пальцы. – Он собирается реформировать нашу лучшую в мире систему образования. Он хочет ввести здесь евро. Что такое евро, его в глаза кто-нибудь видел? При этом

он чуть ли не в обнимку ходил с этим Биллом Клинтон. Скоро он обязательно втравит нас в какую-нибудь войну на стороне США. Он уже затащил нас в Косово!

– Ир... Не знаю, может, это и чушь... Н я определенно слышала, что как раз последние два-три года экономика Великобритании испытывает серьезный подъем. Ты думаешь, твой Блэр тут ни при чем?

– Определенно ни при чем, – отрезала Ирина. – Экономикой занимается Браун, тоже из лейбористов. Блэр умеет только языком болтать. Хорошо бы вместо Блэра избрали этого Брауна.

Хорошо бы в России избрали кого-нибудь вроде Брауна. Или вроде Блэра, у которого есть такие советники...

Но Ирина! Можно подумать, она всю жизнь прожила в Англии, родилась там! Можно подумать, что она не в России выросла...

Старомодный телефон из красной пластмассы, с настоящим дребезжащим звонком и большими круглыми кнопками (Ника принципиально хранила его, как память о восьмидесятих годах), снова часто затренькал. Опять международный звонок – похоже, «Айрин» забыла рассказать о чем-то еще из британской жизни.

– Ира?

Но тут Ника ошиблась. Голос в трубке был мужской.

Она почувствовала, что пол уходит из-под ее ног.

– Ты!?!..

Глава 2

Пациент еще раз перебрал цветные коробочки с видеодисками, которые ему принесли два месяца назад (на вопрос о том, какой сегодня праздник, он тогда получил абсолютно серьезный ответ: «Второе февраля – День Сурка»). Заботливый Рикки собрал по его просьбе все фильмы, которые получили «Оскар» за последние семь лет. Первым в списке был, как и ожидалось, «Список Шиндлера». Названия остальных дисков (видеокассет больше нет, сказал Рикки, на DVD – что бы это значило? – гораздо выше качество звука и изображения), естественно, ни о чем не говорили.

Крейн не успел просмотреть все фильмы. Это же надо, как он отстал от жизни. 1994 год – «Форрест Гамп». Земекис, да, он же снял «Назад в будущее», а этот Хэнкс – это часом не Тернер из «Тернера и Хуча»? 1995 год – «Храброе сердце», на обложке старина Мел Гибсон, и он же сам себе режиссер. Видимо, про войну. 1996 год – «Английский пациент», и кто это у нас такой знакомый? Ральф Файнс – ба, это же тот самый нацист из «Списка Шиндлера»! Красавец, я знал, что ты далеко пойдешь. Режиссер – Энтони Мингелла. И кто это?

1997 год – «Титаник». Абсолютно неизвестные артисты в главных ролях, а вот режиссер – сам маэстро Джеймс Камерон. Это, должно быть, зрелище. 1998 год – «Влюбленный Шекспир». Опять неизвестные актеры. Какая-то Пэтроу... Пэлтроу... а вот опять Файнс, на этот раз по имени Джозеф, уж не брат ли Ральфу? Талантливые, должно быть, братцы. 1999 – «Красота по-американски». Какой-то Сэм Мендес снял кино с каким-то Кевином Спейси, и этот фильм получил «Оскара». Сколько же всего пропущено!

Еще пять дисков были без обложек – Рикки объяснил, что это промо-копии тех фильмов, которые в этом году выдвинуты на главную премию. Информации ноль, диски надписаны водным фломастером. «Гладиатор» – кто может играть в фильме с таким названием, Шварценеггер? Сталлоне? Впрочем, они ведь уже пожилые люди, наверное. «Эрин Брокович» – такой фильм мог снять, наверное, Земекис. «Трафик». «Шоколад». «Крадущийся тигр, затаившийся дракон». Вообще никаких идей. Вынув из коробочки диск, пациент посмотрел его на просвет. Музыкальные компакт-диски точно такие же. Неужели сюда может уместиться целый фильм? Зато теперь, наверное, можно смотреть кино прямо на компьютере.

В отдельном бумажном пакете, размашисто надписанным «М-р Крейн», лежали три десятка коробочек с фильмами, которые не заслужили «Оскар», но которые, по словам Кавасоса, тоже обязательно надо было знать. «Побег из Шоушенка», «Криминальное чтиво», «Обычные подозреваемые», «Бойцовский клуб», «Матрица», «Семь», «Леон», «Американская история Икс», «Секреты Лос-Анджелеса», «Реквием по мечте», «Спасение рядового Райана», «Жизнь прекрасна», «Зеленая миля», «Беги, Лола, беги», «На игле», «Магнолия», «Схватка», «Большой Лебовски», «Двенадцать обезьян», «Большой куш», «Карты, деньги и два ствола», «Простая история», «Шестое чувство», «Казино», «Свой человек», «Быть Джоном Малковичем», «Помни», «Шоссе в никуда», «Отчаянный». Вот черт. Когда же все это смотреть?

Вопрос был чисто риторический – за последние месяцы ему не так уж часто удавалось поставить себе кино. Первая половина дня была занята бесчисленными процедурами. Крейна подвергали ручному, водному и механическому массажу, кололи иглами и лазером, пропускали через различные части его тела электрический ток, а несколько раз даже подносили лечебных пиявок. За процедурами следовали строго дозированные упражнения на разнообразных тренажерах. Потом ему разрешали принять душ и пообедать. Еда состояла из однообразных жидкостей и каш. После обеда Крейна укладывали в постель, и заставляли спать ровно два часа.

Потом снова процедуры, потом обязательный безвкусный ужин... Где-то на второй месяц жизнь начала налаживаться – лечебные процедуры сократились, стало больше физиче-

ских упражнений, в меню появилась нормальная человеческая еда. В начале марта впервые («за семь лет!») появилось рыбное блюдо. А лучшим фильмом года был объявлен «Гладиатор».

В конце марта принесли настоящий стейк и поздравили с возвращением к полноценной жизни. Это было что-то вроде выпускного бала – в тот же день Крейн переехал из больницы в отель «Рузвельт» на бульваре Голливуд.

Впрочем, к полноценной жизни, в его понимании, он вернулся уже давно – в тот день, когда он понял, что ему больше не нужен тихий час, и что он вообще не хочет больше спать – он хочет знать. За семь лет могло произойти очень многое. Тогда он попросил Рикки принести ему какую-нибудь подшивку газет, или журналов, или справочник, или хоть что-нибудь, из чего можно было бы узнать все новости. Рикки весело подмигнул ему и сказал: «Они вам больше не нужны, Тимоти. Теперь у вас есть Интернет».

На выбор ему принесли два ноутбука. Полупрозрачную, как будто склеенную из оргстекла, вещь от фирмы Apple он с негодованием отверг, но через минуту выяснилось, что благодаря новейшей версии Windows, датированной двухтысячным годом, старый, добрый IBM превратился в подобие Apple. Ладно, какая разница. Под дверь палаты пришлось просунуть провод, который, как ему объяснили, надо обязательно включить в ноутбук. «Это для модема?» – неуверенно спросил Крейн. «Да, вроде того, мистер Крейн», – сказал инженер. «А процессоры теперь какие – 686 или 786?», – сделал еще одну попытку Крейн. «Не знаю, о чем вы, мистер Крейн. Это Pentium III. Давайте лучше покажу вам, как путешествовать по «паутине». Через несколько минут он уже понял, что Паутина есть имя собственное, да какое!

Ага, Бориса Николаевича таки переизбрали! Сначала переизбрали, потом – ого! – сделали ему операцию на сердце. Так он, оказывается, сердечник, а мы-то думали – пьет. Хотя, вернее всего, и то, и другое...

Да, но 31 декабря 1999 года он сложил с себя полномочия. Избран некто Путин, Владимир Владимирович. Ну-ка, ну-ка... Кандидат экономических наук, женат, имеет двух дочерей. Это хорошо. Родился 7 октября 1952 года в Ленинграде... юридический факультет ЛГУ. Служил – где!? Обалдеть, во внешней разведке КГБ! Новый президент – мало того, что чекист, еще и шпион. Ну, дела. Работал в Германии. Ни дать, ни взять – Штирлиц. Вернулся в ЛГУ, потом был советником Собчака. А Собчак-то умер. Жаль... Первый зампреда правительства Санкт-Петербурга, и вдруг сразу – заместитель управляющего делами президента Ельцина, а потом начальник Главного контрольного управления президента, а потом первый замруководителя администрации президента, а потом бабах! – директор ФСБ... Какие удивительные бывают карьеры. Ну и, наконец, премьер-министр. После заявления Ельцина об отставке назначен исполняющим обязанности главы государства. Набрал пятьдесят три процента голосов и победил в первом туре президентских выборов, опередив десяток остальных кандидатов.

Да уж, как-то мутно. В США два срока отработал Билл Клинтон, неплохо, вроде, отработал... Немножко запятнал, правда, себя скандалом с какой-то Моникой... и заодно запятнал платье этой самой Монике. Забавно. Наиболее вероятным кандидатом в президенты был Эл Гор, умный вроде мужик, но избрали почему-то сына бывшего президента Джорджа Буша, тоже Джорджа, соответственно, Буша. Младшего.

Ну ладно, это все имена. А вот в политике и макроэкономике какой-то полный кошмар. Сначала в России случился банковский кризис, рубль подешевел в два раза, курс доллара подскочил до четырех тысяч. Потом потребовала полной независимости Чечня, и туда отправили целую армию – сорок тысяч военнослужащих. Вместо второй Венгрии или Чехословакии почему-то получился маленький Афганистан – локальная война длилась до 1996 года. Потом мирный договор 1996 года – перед выборами, что ли? Потом короткий год эйфории – экономика развивается, бизнес поднимает голову, люди снова начинают покупать машины и квартиры, рубль деноминируют в тысячу раз. Но в 1998 году – очередной финансовый кризис...

на этот раз какой-то дурацкий – вместо выплат по собственным облигациям государство предлагает кредиторам более «длинные» облигации. В стране от этого случается паника, жаркими августовскими днями люди скупают доллары.

Крейн с интересом рассматривал графики колебания курсов валют. 17 августа доллар стоил 6 рублей 29 копеек – это шесть тысяч двести девяносто рублей до деноминации... За две недели доллар дорожает всего на 25 процентов, но в сентябре Центробанк сдаётся, рубль обваливается, и в течение следующего года рубль теряет три четверти своей стоимости. А в сентябре 1999 года возобновляется война в Чечне. Зачем?.. Ага, поводом послужили – о, господи! – многочисленные теракты в России! Захваты заложников, взорванные дома... А еще через год мы теряем подводную лодку. Ну и мрак.

Подозревая, что обращения к глобальной сети легко отслеживаются, Крейн на всякий случай читал только англоязычные ресурсы, и старался разбрасывать свои запросы максимально широко. Этого правила он придерживался, и переехав в отель.

В Европе и мире дела шли не лучше. Летом 1997 года в Париже погибла в автокатастрофе принцесса Уэльская, Диана Спенсер. США и НАТО врезали зимой 1998 года по Ираку, весной 1999 – по Сербии и Косово. Слободан Милошевич – батюшки, что творится! – проиграл выборы, но почему-то до сих пор не повешен, и даже не арестован. Живет себе в Белграде, выдавать его гаагскому трибуналу никто не собирается.

Может, хоть культурная жизнь порадует? В Нью-Йорке возобновлены показы мюзикла «Чикаго». В Париже открылся мюзикл «Собор Парижской Богоматери» по роману Гюго, в Лондоне – мюзикл «Мамма Миа!» по песням группы «АВБА». Лучший мюзикл всех времен и народов «Кошки» закрылся в Нью-Йорке после восемнадцати лет показов, но все еще идет в Лондоне – вот уже скоро двадцать лет. В Москве идет кастинг для грандиозного музыкального представления по роману Каверина «Два капитана», авторы мюзикла, известные барды, поклялись не выступать сами, пока не шоу не будет открыто. Кроме танцевально-музыкального шоу людям обещано зрелище приземления самолета в натуральную величину прямо на сцену... А вот в Лас-Вегасе, в отеле «Стардаст», закрыто – после девяти лет показов – шоу Терри Ловерна и Теда Лоренца «Enter the Night». «Какая жалость, – подумал Крейн. – Так я его и не посмотрел».

Спустя несколько дней после переезда в отель Крейн потребовал кредитку, водительские права и автомобиль. «Нет, не надо «Кадиллак». Нет, «Бьюик» тоже не надо. Вполне подойдет «Шевроле». Нет, не надо с автоматической трансмиссией. Как это «только с автоматической?..». В итоге на стоянке отеля «Рузвельт» появилась красная «Малибу», на которой Крейн, вооружившись дорожной картой, принялся изучать географию Лос-Анджелеса и его пригородов.

Поиск информации в Интернете оказался вполне логичным, и не таким уж сложным занятием. «В Интернете можно найти все, что угодно», – сказали ему, когда показывали, как работают AltaVista, Yahoo! и Google.

Проблема Крейна была в том, что он не мог просто снять телефонную трубку и позвонить тем людям, о которых он беспокоился. В его ситуации это было невозможно. Но Паутина оказалась под самую завязку набита не только случайными данными, и не только достаточно ценной коммерческой информацией, но и огромным количеством персональных цитат, ссылок, адресов, телефонных номеров.

Не значит ли это, что можно, не обнаруживая себя и никого специально не спрашивая, выяснить все о судьбе некоторых людей?..

Проезд Малхолланда – Малхолланд Драйв – покорило его своими головокружительными выражениями и не менее головокружительным видом Лос-Анджелеса. Днем оттуда лучше всего было видно знаменитую надпись «Голливуд», но Крейн старался приезжать на эту дорогу в темное время суток.

И с каждым днем его все сильнее манило шоссе с номером 15– дорога на Лас-Вегас, Невада.

– Рикки, – сказал Крейн. – Я достаточно потрудился за последние три месяца. Мне нужны каникулы. Солнце, вода, топless-шоу, азартные игры. Забронируйте мне на пару недель люкс где-нибудь в Вегасе, с хорошим бассейном. И купите мне уже сотовый телефон. Я отправлюсь туда на машине.

Глава 3

Чтобы проводить китайцев, Подвирный сам распахнул внутреннюю дверь офиса. Каждому персонально – кивок головой и рукопожатие. Сам закрыл дверь. В приемной с ними разберется администратор. Юристы, готовившие бизнесмена к визитам андеррайтеров и будущих инвесторов, рекомендовали удалить из приемной сотрудника службы безопасности, но у Подвирного не лежала к этому душа.

Как-то странно, когда нет под рукой охранника. Электронные системы наблюдения – хорошо, информационная безопасность – отлично, промышленная разведка, прогнозы враждебных действий конкурентов, все эти новомодные вещи – прекрасно. Но стопроцентную гарантию дает только страховой полис. Его страховой полис – вот эти вот подтянутые парни в плохо сидящих пиджаках. Его первый бизнес, кстати. Один из них всегда с ним – в офисе, в машине, в магазине, у салона красоты, у ресторана, возле дома на Новорижском шоссе. Подвирный расставался с личной охраной только у барьера таможни в аэропорту «Шереметьево-2». За пределами России он почему-то чувствовал себя в безопасности.

Замигал огонек внутренней линии. Подвирный нажал кнопку телефона:

– Да?

– Олег, я вам сегодня еще нужна?

Еще одна причина держать в приемной охранника – чтобы ни у кого в компании не было соблазна посудачить, не вызывает ли шеф, задерживаясь допоздна, молодых секретарш в свой кабинет для решения «личных вопросов» за закрытыми дверями. Шеф консервативен и непогрешим! Дверь его офиса всегда открыта (уж, по крайней мере, не заперта)...

– Нет, Светлана, на сегодня все, можешь идти.

– Прошу прощения. Рыбки...

Подвирный обернулся на огромный, во всю стену, аквариум.

– Да, разумеется. Спасибо, что не забыла.

Дверь отворилась, и миниатюрная администраторша прошла-протанцевала к аквариуму с пакетиком корма для декоративных рыб. Блузка полупрозрачная, юбка сантиметров на десять короче нормы... Пока Светлана, став на цыпочки (юбка задралась еще выше), занималась рыбками, Подвирный отстучал короткое сообщение руководителю отдела персонала: «Наталья, напомни администраторам о дресс-коде, пожалуйста. Понимаю, что они стараются для меня, но это лишнее. Спасибо, Олег».

– До свидания, Олег.

– Спасибо, Света, до завтра.

Дверь плавно закрылась.

Наконец-то можно спокойно поработать. В офисе осталась только охрана, личный водитель, да десятка два менеджеров. Подвирный не поощрял переработку, но и не гнал трудоголиков из офиса. В основном это его замы, а также начальники отделов, которые, как и он, любят работать допоздна. Это также менеджеры по закупкам, которые всегда в контакте с производителями, работающими из Германии, Голландии, Австрии, Франции, Великобритании. Рабочий день у них начинается и заканчивается соответственно – у кого по Гринвичу, у кого по средневропейскому времени.

Можно спокойно поработать... Подвирный потянулся за мышью и почти снес со стола чайную чашку, до половины наполненную крепким кофе. Усмехнулся, подвинул чашку к клавиатуре – и чуть не расплескал. Да меня колотит, сообразил он. Я перевозбужден! Какое там «спокойно поработать»...

Тринадцать лет, тринадцать лет... Старт с полного нуля, начальное накопление – цель оправдывает средства! Переориентация бизнеса, поглощение нужных активов – цель оправдывает

вают средства! Лучшие становятся кандидатами в команду, но остаются только самые преданные, балласт – за борт, без сожаления, уничтожая репутацию!

Мелких конкурентов – к ногтю! Частников, прилавки, магазинчики – под каток! С крупными конкурентами – непрекращающаяся драка, на каждый укус – ответ сокрушительным ударом! Вы нам – пожарную инспекцию, мы вам – настоящих пожарных, на красных машинах, пусть попробуют спасти ваш выгоревший склад! Вы нам – налоговую полицию, мы вам – ОМОН, руководство в КПЗ, офис опечатан! Вы нам – угрозы, мы вам – действия! Понравилось неделю безвылазно просидеть в бизнес-центре под охраной? Или в загородном доме с обрезанным телефоном? А в перевернутой машине полсуток с переломами пролежать?..

Подвирный обнаружил себя у окна, грозящим кулаком невидимым конкурентам. Эх меня занесло, ухмыльнулся он. Уж давно нет и тех конкурентов, и тех методов. Мы теперь законопослушные, белые и пушистые. У нас международный аудит. У нас взаправдашний пиар-директор ждет не дождется отмашки, чтобы грандиозную пресс-конференцию устроить о нашем выходе на биржу. Не на РТС, черт подери, на нью-йоркскую фондовую биржу! И будущие держатели акций – вон они, только что откланялись, все как на подбор желтолицые и узкоглазые. Само китайское народное правительство, говорят, выразило интерес! Из достоверных источников известно!

Хотя, между нами, дураки китайцы. Им бы сейчас вложиться, а не после размещения. Заработали бы на порядок больше. Нет, тянут, осторожничают...

Вызову-ка я Осипова, решил Подвирный. Потолкую с ним о новой пиар-стратегии в новых условиях. Вернулся за рабочий стол, подвинул к себе телефонный аппарат.

– Андрей, добрый вечер, домой не собираешься?

– Добрый вечер, Олег. Так смысла же нет, пробки. Раньше девяти вечера без толку выезжать.

– Есть время поговорить?

Глава 4

«Я приехал сюда в отпуск, и обязан загореть», – сказал себе Крейн. За время реабилитационной терапии он усвоил очень четкий распорядок дня, и решил пока без надобности его не нарушать. Ровно в восемь утра он спускался на завтрак в ресторан отеля «Луксор», в девять уже лежал в шезлонге у бассейна, в одиннадцать отправлялся в свой номер и принимал душ. На изучение города он отвел два дня.

На третий день у бассейна около десяти утра он буквально в метре от себя услышал русскую речь. Голос женский. Нет, конечно, это не она. Откуда ей тут быть, среди отдыхающих? Но взглянуть все равно нужно. Крейн досчитал до десяти и медленно повернул голову. Крашеная блондинка в очень нескромном для этих мест купальнике что-то внушала толстому лысому спутнику в узких плавках, также достаточно неуместных. Явно русские. «Затравленный русский взгляд», – вспомнил Крейн.

– Ну и черт с тобой, – сказала блондинка. – Я все равно выпью.

Она повернулась лицом к Крейну, пошевелила губами, что-то соображая. Крейн приветливо улыбнулся и произнес:

– Can I help you?

Блондинка обрадовалась и, запинаясь, проговорила:

– Ю донт ноу, ай кэн бай самсинг ин зе бар, он май намбер?

На европейских курортах обычно записывают покупки, еду и напитки на счет гостиничного номера, сообразил Крейн.

– Uh, I don't think so, – лучезарно улыбаясь, ответил он. – I believe they prefer cash here. Sorry for that.

– Идиоты, все у них не как у людей, – сообщила блондинка своему лысому другу.

Крейн еще раз лучезарно улыбнулся ей во все тридцать два идеально ровных зуба, и, откинувшись в своем шезлонге, вернулся к книге. На одной из заправочных станций его внимание привлекло сначала заглавие – «Беглый присяжный», а потом и имя автора, показавшееся знакомым – Джон Гришем. В списке книг автора он обнаружил два известных ему названия. Этих романов он не читал, но видел фильмы по ним – «Фирму» с Томом Крузом и «Дело о пеликанах» с Джулией Робертс и с этим, из «Славы», похожим на молодого Сидни Пуатье... как же его? В общем, неважно. Книга оказалось интересной, читалась быстро.

В полдень Крейн шел перекусить в Интернет-кафе. «Перекусывал» он до вечера. Здесь он мог не опасаться, что его запросы вызовут подозрение и разрушат «легенду». Каждый день он проводил за компьютером пять-шесть часов, пока глаза не начинали болеть от бесконечного перелистывания Интернет-страниц.

Даже неизвестно, что сложнее – найти людей, которые семь лет назад занимались бизнесом в России, или девушку, которая, возможно, совсем недавно выступала в шоу «Enter The Night»! Семь лет назад он провел с ней очень странную ночь, если это можно назвать «ночью» – в машине, по дороге из Лос-Анджелеса в Лас-Вегас. Причем она была за рулем. Причем, возможно, от нее не будет никакого толку. Хотя почему бы все равно ее не найти?

Тысячи статей, заметок, реплик в гостевых книгах, конференциях, блогах. Тысячи фотографий.

На четвертый день он столкнулся с русской парой – блондинкой и ее лысым другом – у входа в отель в одиннадцать утра. Он шел в отель, они, с заспанными лицами – загорать. На пятый день они так и не появились – видимо, проспали. Зато Крейн нашел информацию о русских бизнесменах.

В тот вечер он напился в казино «Луксора» до беспамятства. Весь шестой день ему было очень плохо, он не загорал и не занимался поиском в Интернете.

На седьмой день он нашел девушку.

В отель с таким названием – «Сан-Ремо» – он бы прежде и шагу не ступил. Шоу можно было смотреть бесплатно, заказывая напитки в баре. Когда появились четыре легко одетые девушки и стали для начала показывать фокусы с картами, Крейн сразу сообразил, какими будут более масштабные трюки. Впрочем, проделано все было с большим вкусом. Вот девушка пока еще вроде бы одета, вот она достает откуда-то из воздуха два больших веера и прикрывается ими буквально на долю секунду, и тогда веера превращаются в конфетти, а девушка остается в пышном головном уборе и узких стрингах.

Тут-то Крейн и узнал Ингу. На каблуках-стилетах она казалась очень высокой, а головной убор с перьями и сценический грим сильно меняли лицо, но это точно была она. Крейн потерял всякий интерес к шоу. Важно было не упустить момент... ну, и не напугать девушку.

Улучшив момент, он взял за пуговицу смуглого официанта.

– Братец, мне бы познакомиться с девушкой, – затараторил он по-испански. – Вон с той, которая сейчас держит птичью клетку. Передай ей записку, прошу тебя по-человечески!

Крейн одолжил у «братца» карандаш, схватил салфетку и нацарапал на ней несколько слов по-русски. Вместе с запиской в ладони «братца» исчезла двадцатидолларовая купюра.

Шоу закончилось уже час назад. Крейн допивал третью чашку кофе, когда у прохода появилась она – высокая шатенка, причесанная каре, в серых джинсах и замшевой куртке, на лице никаких следов макияжа. На плече рюкзачок. Увидев Крейна, она сильно побледнела, и все же подошла решительным шагом.

– Чему быть, того не миновать. Я знала, что это вернется. По крайней мере, ты жив.

– Я жив, – улыбнулся Крейн. – И что бы там ни было, я на тебя не в обиде. Просто расскажи мне все. Чистосердечное признание... Что ты пьешь после шоу, пиво?

Инга помотала головой:

– Минеральную воду, газированную.

Крейн подозвал официанта и попросил бутылку «Эвиан». Помявшись, спросил:

– Трудно найти работу, когда шоу закрывается?

Инга пожала плечами.

– Всегда по-разному. Смотря кому. Смотря какую работу. Я тут университет закончила, у меня диплом, есть публикации. Я радиохимик, кстати. Ну и... как видишь.

Официант принес бутылку воды и высокий стакан с надетым на ободок кружочком лимона.

– У нас в «Enter The Night» была звезда – Аки, «танцовщица 21-го века». На самом деле ее зовут Акке, она голландка. Ей, в принципе, работать уже не надо – она вышла замуж за одного шишку из «Тропиканы». Но она такая... ее не остановишь. Учится на адвоката.

– А почему шоу закрыли? – поинтересовался Крейн. – Оно ведь достаточно долго держалось, насколько я понял.

Инга вздохнула:

– Те, кто занимается шоу-бизнесом в Лас-Вегасе, вообще-то очень четко отслеживают интерес публики. Именно поэтому мы и держались так долго. На «Enter The Night» всегда был аншлаг. Перед началом шоу можно было купить билеты только за самые дальние столики. Это при том, что днем мы всегда давали «семейный» вариант, и только вечером – топлесс.

– Так в чем же была проблема?

Инга пожала плечами:

– Вегас изменился. Он всегда меняется. В начале девяностых, например, кто-то решил, что имидж центра развлечений, эксплуатирующих человеческие пороки, вредит городу, и нас стали причислять под стандарт «для всей семьи». Тогда, кстати, и появилось шоу «Enter The Night», ведь предыдущее шоу «Стардаста», «Lido de Paris», было куда откровеннее... Но то было десять лет назад. А теперь курс опять поменялся на противоположный. Вот нас и закрыли.

Теперь мы тут голые показываем фокусы. Акке, пока не поступила в свой университет, какое-то время продюсировала «Безумных девчонок» в «Ривьере», – видел афишу с задницами? Это еще ничего...

Страшась ответа, Крейн задал вопрос:

– Слушай... Так ты нарочно тогда подседа ко мне в машину?

Инга вскинула на него глаза:

– Jesus, конечно нет! Не в чем мне чистосердечно признаваться, понимаешь? Я уже почти забыла о тебе через пару дней, но тут кое-кто появился.

– Кто?

– Знаешь, в те годы в Вегасе не было столько русских, сколько теперь. А тут сначала ты, потом этот тип... После шоу меня дождался. Сначала, правда, говорил по-английски. Поздравил с прекрасным выступлением, а потом спросил – ехала ли я сюда из Реседы с таким-то? Ехала, говорю, а где он? А он говорит – нет, не ехала. Он, говорит, тебе приснился.

Инга сделала большой глоток воды, поперхнулась и закашлялась, на глазах выступили слезы. Крейн протянул ей салфетку, подождал. Спросил:

– Как выглядел этот человек?

– Хорошо выглядел. Такой, средних лет. Симпатичный, на кого-то из наших советских артистов похож, вроде Ланового. Был очень хорошо одет. Я уж подумала – не клюнул ли на меня, наконец-то, местный миллионер. Спрашиваю – почему это приснился? И тут он по-русски: «Ты ведь не хочешь, чтобы твоих родных стали по одному вылавливать из Невы? Да и какая разница, ночевал-то твой дружок в Реседе, так что его теперь и хоронить не надо».

Эту часть чистосердечного признания Крейн не понял.

– Насчет «хоронить не надо» – это о чем?

Инга широко раскрыла глаза:

– Так ты не знаешь? Не знаешь о землетрясении? Вот чудак, а еще с «чистосердечным» лезет! Я ведь тебе, выходит, тогда жизнь спасла...

Часть II. Тимур и его команда

Глава 5

Моложавый нацист произнес:

– Heil Hitler.

– Хайль Гитлер, – безразлично отозвался голос переводчика за кадром.

Когда на экране появились титры, Оззи громко зевнул, остальные рассмеялись.

– Оззи, тебе нельзя смотреть серьезные фильмы.

– Тимур, у тебя есть «День сурка»?

– Нет, Оззи не оценит, – Сергей потянулся, разминая сигарету, и направился к балкону. –

Тимур, у тебя есть «Настоящая Маккой»?

– Тимур, а пиво для Оззи еще есть?

После фразы «Меньше четырех тысяч евреев осталось в живых в Польше сегодня. Более шести тысяч, э-э, последователей, э-э, осталось от списка Шиндлера» переводчик прекратил надсадно дышать в микрофон, создавая фоновый шум. Тимур бросил взгляд на экран и успел прочитать: «There are fewer than 4000 Jews left alive in Poland today. There are more than 6000 descendants of the Schindler Jews». Потомков евреев из списка. Потомков, а не последователей. Экран стали синим, кассета пошла на обратную перемотку.

– Да ну вы че, хорош... – пробормотал краснеющий Андрей.

Простоватый, но, тем не менее, жутко обаятельный тип по имени Андрей и по прозвищу «Оззи» был новым человеком в компании. Учился он в МГУ, и там же играл на гитаре в какой-то группе. Привела его Лера. Тимур догадывался, что с тех пор, как у него все серьезно закрутилось с Никой, Лера испытывала недостаток мужского внимания, и Оззи потребовался, чтобы расшевелить Сергея.

– Эй, ты там часом не заснул на мягком плечике? Лера, отвечай – он, что, там *спал* с тобой!?

– No comments, – гордо ответила Лера, потирая плечо. – Тимур, можно я положу куда-нибудь свои сережки? А то уши болят.

Она откинула белую прядь.

– Переводчик неправильный какой-то, это ведь не Михалев?

– Не-а, и не Володарский... Где-нибудь продают, интересно, кассеты без перевода?

– Оззи, кто из актеров тебе больше всего понравился?

Покопавшись в растрепанной рыжей гриве, Оззи нашелся:

– Ну... этот, фашист.

Тимур дотянулся до холодильника «Морозко», который служил телевизионной тумбой, и выгреб оттуда две бутылки новомодного игристого «Асти Мартини» – по сорок тысяч рублей.

– Help yourself, boys and girls, – объявил он, нарочито налегая на «г». – Серега, Оззи, открывайте. Кстати, я согласен насчет «фашиста». Молодой неизвестный актер, а какое зверское обаяние! Фильм получит «Оскара», это я вам гарантирую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.